

К 350-летию Петра Великого

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ПЕТРА ТВОРЕНЬЕ!

Часть 5

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ — ПЕРВЫЙ СОБОР САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В 1703 году неподалеку от Петропавловской крепости была выстроена деревянная церковь Святой Живоначальной Троицы (Троицкая); она была заново возведена на этом же месте в 1710—1711 годах.

Строки, посвященные этому храму, есть в трудах В. Розанова. «На Петербургской стороне находится смиренный и прекрасный, лично преобразователем основанный и первый в Петербурге Троицкий собор», — пишет отечественный философ, размышляя о его символике. «Россия в любимых своих храмах прошла целую историю: в княжеский период свой, в Киеве и в Новгороде, она воздвигала храмы излюбленно „Софии — премудрости Божией“; в царский период, в Москве, является новый объект излюбленной мысли, преимущественно религиозного внимания — „Успение Пресвятой Богородицы“, и храм, как памятник этой материнской скорби, — пишет В. Розанов. — Поразительно, что Петр Великий не повторил которой-нибудь из этих идей, а начал третью, воздвигнув храм во имя „Пресвятой Троицы“»¹.

30 мая 1714 года в Петропавловской крепости был заложен каменный собор вместо деревянного. Поэтому стоявшая неподалеку от крепости Троицкая церковь получила на время статус первенствующего кафедрального собора новой столицы². Именно здесь в присутствии Петра I и сановников стали совершаться все торжественные богослужения.

В 1714 году «Велик день», как еще называли Пасху, Петр I отмечал в Санкт-Петербурге. Из его походного журнала известно, что государь «изволил быть в 4 часу полудни у всенощной, а потом как день начался, палили со всей Питербургской фор-

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Розанов В. Около церковных стен. Т. II. СПб., 1906. С. 36.

² Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 7. СПб., 1883. С. 100.

теции из пушек». За богослужением царь присутствовал в соборе Святой Троицы, находившемся на Троицкой площади, рядом с Петропавловской крепостью³.

«Что касается бывшей Троицкой церкви и что особенно примечательно, — она была часто посещаемая Петром Великим вместе с супругой и фамилией по воскресеньям и праздничным дням, и сам император имел обыкновение участвовать здесь в церковных песнопениях, — пишет фон Реймерс. — Недалеко от Троицкой церкви у князя Меншикова была своя, очень красивая церковь, окруженная галереей. Там была кафедра, с которой время от времени произносились проповеди — большая по тому времени редкость, когда богослужение состояло в мессе, а не в проповедях»⁴.

К 1720 году строительство каменной церкви Святых апостолов Петра и Павла было в общих чертах завершено, но внутренняя отделка собора была закончена только к 1733 году. Поэтому все знаменательные события по-прежнему отмечались в Троицкой церкви. «Едва ли есть в России церковь, носящая имя соборной и выстроенная из дерева, — писал в начале XX века Е. Поселянин. — А такой храм существует в Петербурге, является одной из древнейших столичных церквей и представляет собой достопримечательность, мимо которой нельзя пройти, обозревая святыни Петербурга»⁵.

В 1713 году, в ходе Северной войны, русские войска взяли город Або (ныне — Турку, Финляндия). В числе трофеев, доставленных из этого города в Петербург, был большой колокол, а также медное паникадило шведской работы. Петр I передал эти трофеи в Троицкую церковь; тогда же на колокольне собора по воле царя были установлены «ордианарные» часы-куранты (ранее они находились в Москве, на Сухаревой башне)⁶.

В дневнике камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца за 1724—1725 годы упоминается о Троицкой церкви; немецкий автор отмечает, что за исключением великолепных, строившихся тогда каменных соборов Петропавловского и Исаакиевского, между «плохими деревянными церквями С.-Петербурга самая красивая была церковь св. Троицы, находящаяся по ту сторону реки, у зданий коллегий, деревянная, с широкой открытой колокольней, на которой много колоколов и небольшие куранты, играющие, сами собой, через каждую четверть часа «Господи помилуй»⁷. О курантах, украшавших Троицкую церковь, упоминает и князь Антиох Дмитриевич Кантемир, российский полномочный министр в Лондоне (с 1732-го по 1738 год). В своих записках, опубликованных в 1738 году во Франкфурте и Лейпциге⁸, будущий российский литератор сообщает о местоположении деревянного собора: «Напротив Адмиралтейского острова к востоку лежит Петербургский остров. В этой части города справа видим русскую Троицкую церковь и близ нее первый дом, который Петр велел здесь построить, как только заложил сам город. Дом сохраняется в память и по сей день, — пишет князь Кантемир, добавляя при этом: — Упомянутая церковь хотя и выстроена преимущественно из дерева, но тоже имеет красивые куранты»⁹.

16 октября 1717 года у стен Троицкой церкви происходила торжественная встреча Петра I при его возвращении из второго заграничного путешествия. И как отмечал Ф.-В. Берхгольц, «этот храм обыкновенно посещает царь во время богослужения»¹⁰.

³ Кочиева Мария // Санкт-Петербургские ведомости, 30.04.2021. С. 5.

⁴ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток. 2007. С. 71.

⁵ Поселянин Е. Петербургские святыни. СПб., 1903. С. 14.

⁶ Историко-статистические сведения... Т. 7, СПб., 1883. С. 100—101.

⁷ Там же. С. 102.

⁸ Подробнее см. Беспярых Ю. Н. Указ. соч. С. 34—36.

⁹ Кантемир А. Д. Описание Кронштадта и Петербурга // Беспярых Ю. Н. Указ. соч. С. 460.

¹⁰ Историко-статистические сведения... Т. 7. С. 102.

Краткое описание Троицкой церкви принадлежит шведскому ученому Карлу Рейнхольду Берку (1706—1777), который побывал на берегах Невы в 1735—1736 годах. В своей рукописи «Путевые заметки о России» Берх сообщает: «Троица, или Троицкая церковь, — деревянная, не особенно большая, стоит у реки примерно на расстоянии мушкетного выстрела от первого дома Петра. Ее сей государь очень любил и поэтому именно в ней по большей части посещал со своей фамилией (семьей. — *Авт.*) общие богослужения, а также приказывал устраивать там различные торжественные церемонии — например, похороны царевича, венчание Анны Петровны с герцогом Голштинским и т. д.»¹¹. (Что касается бракосочетания Анны Петровны (1708—1728) — старшей дочери Петра I — с герцогом Гольштейн-Готторпским Карлом Фридрихом (1700—1739), то оно состоялось уже после кончины императора 21 мая 1725 года в Петербурге.)

Упомянутая о «похоронах царевича», К.-Р. Берк имел в виду Алексея Петровича (1690—1718) — сына Петра I и его первой супруги Евдокии Федоровны Лопухиной. В своих записках шведский ученый на данную тему не распространяется, однако об этих драматических событиях повествует другой иностранный автор — Генрих фон Реймерс. Известно, что царевич Алексей был вовлечен в заговор против Петра I и поплатился за это собственной жизнью. О том, как разворачивались эти события, и пишет немецкий автор. «Во время ареста несчастного цесаревича Алексея Петровича, старшего сына Петра Великого, последний в 1718 г. в Москве при торжественной обстановке отдал ему в (наследование) престол, — отмечает Генрих фон Реймерс. — Вследствие этого вышел приказ государя к князю Меншикову и Сенату собрать воинство, (дворянство), шляхетство, купечество и крестьян, чтобы принести присягу на верность его младшему, 8-го ноября 1716 года родившемуся, сыну цесаревичу Петру Петровичу, как своему наследнику и будущему государю (суверену). Эта церемония была совершена 19 марта 1718 г. на Петербургской стороне (острове) в церкви св. Троицы»¹².

26 июня 1718 года Алексей Петрович скончался (или был убит) в каземате Петропавловской крепости. А расположенная неподалеку Троицкая церковь стала местом печальной церемонии. Сведения об этом можно почерпнуть из книги немецкого историка Гергарда Антона Галема (1752—1819), автора биографии Петра I (1803—1804) Вот что пишет немецкий автор о событиях, имевших место в Троицкой церкви. «Тело несчастного (царевича Алексея — *Авт.*) выставлено было в продолжении двух дней в церкви Св. Троицы, где стекавшийся тысячами народ допускаем был к целованию руки покойного, и потом погребено в соборной церкви Петра и Павла в новоустроенном для погребения царской фамилии своде, где покоился уже прах супруги царевича, — повествует Г.-А. Галем. — Петр, Екатерина и все знатнейшие придворные чиновники шли за гробом с горящими свечами. Слова Давида: „Аввессаломе! сыне мой Аввессаломе!“ были текстом говоренной при сем случае надгробной речи, в продолжение которой государь непрестанно проливал слезы»¹³.

Вот небольшой отрывок из воспоминаний польского дипломата, находившегося в Петербурге в 1720 году и присутствовавшего на торжественном богослужении, которое возглавлял митрополит Стефан (Яворский). «Дня 8 июля (н. ст., 28 июня ст. ст.) праздновали воспоминание Полтавской победы. В церкви Святой Троицы царь молился со всеми министрами, генералами и офицерами, а после архиереев Яворский сказал проповедь, на которой были и мы... Царь, поблагодарив архиерея за слово и поцело-

¹¹ Берк Карл Рейнхольд. Путевые заметки о России // Беспятых Ю. Н. Указ. соч. С. 125.

¹² Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце первого столетия своего существования (Извлечения из публикации 1805 г.). СПб., 1909. С. 7—8.

¹³ Жизнь Петра Великого, описанная Г. Галемом (перевод с немецкого). Ч. II. СПб., 1813. С. 290.

вав его руку, отправился к своим полкам... Духовенство, выйдя из церкви с крестным ходом, отправилось в палатку, где прежде пели Евангелия и после — „Тебе Бога хвалим“ (Te Deum laudamus)»¹⁴.

После богослужения в Троицкой церкви близ царского дворца устраивались празднества, о чем в своих записках сообщает Геннинг Фридрих Бассевич: «По возвращении в С.-Петербург Петр отпраздновал 25 июня (по старому стилю) [1720 г.], годовщину своего коронования, что делалось очень редко с тех пор, как он царствовал один. При царском дворе насчитывалось, впрочем, до тридцати ежегодных празднеств, из которых четыре были в память военных подвигов, а именно взятия Нарвы, побед при Калише и Лесном (одержанной над Левенгауптом)¹⁵ и Полтавского сражения. Но все эти празднества отличались однообразием. В рощах расставлялись столы для всех значительных особ. Одним из главных был стол для духовных лиц. Сам царь иногда садился туда и рассуждал с ними о догматах религии. Если кто-нибудь судил или делал ссылки неверно, то должен был в наказание опоражнивать стакан, наполненный простою водою, и эти господа обыкновенно удалялись с праздника более других упившимися»¹⁶.

1 января 1721 года повелением Петра I был учрежден Святейший Синод, что окончательно упразднило надежду на восстановление патриаршества. «Новообразованное государем духовное сословие названо было Святейшим Синодом и состояло из одного Президента, двух вице-президентов, четырех советников и четырех ассессоров»¹⁷, — пишет Г.-А. Галем. — Таким образом, в Русской Православной Церкви было образовано соборное управление, через которое действовала «верховная самодержавная власть, его учредившая»¹⁸.

Петр I повелел Феофану Прокоповичу составить «Духовный регламент», которым определялось устройство и деятельность Святейшего Синода. «Регламент» был зачитан в Сенате, после чего Петр I, «сделав сам некоторые замечания, утвердил его». Потом, как пишет Г.-А. Галем, «в присутствии монарха, министров и знатнейшего духовенства, Прокопович говорил в Троицком соборе речь об учреждении нового сословия, после коей государь лично открыл (14 февраля 1721 года) заседания оногo, и, приложив ему название Святейшего Правительствующего Синода, повелел, чтобы оно уважаемо было так же, как и самый Сенат»¹⁹.

Бурхард Христофор Миних как протестант оценивает эти деяния Петра I со своих позиций: «Мудрость монарха побудила его упразднить сан и высшую власть патриархов, и 21 января 1721 года он учредил вместо этого первосвященника Синод, для коего он сам назначил и выбрал президента и членов из учнейших епископов и архимандритов. Он снабдил эту святую коллегию наставлениями и Духовным регламентом²⁰, заслуживающим восхищения, и сам государь был ее первым президентом»²¹.

¹⁴ Петербург в 1720 году. Записки поляка-очевидца // Русская старина, 1879. Т. 25. С. 284–285.

¹⁵ Граф Адам Людвиг Левенгаупт (швед. Adam Ludwig Lewenhaupt; 1659–1719) — шведский генерал. В битве при Лесной он потерпел поражение от Петра I; его корпус был разбит, а обоз захвачен русскими. После битвы под Полтавой в 1709 году Левенгаупт подписал капитуляцию, сдав остаток шведской армии в русский плен. В течение 10 лет Левенгаупт был пленным в России и умер в 1719 году в Москве, так более и не вернувшись в Швецию.

¹⁶ Бассевич Геннинг Фридрих. Записки // Юность державы. М., 2000. С. 391.

¹⁷ Петербург в 1720 году. Записки поляка-очевидца // Русская старина, 1879. Т. 25. С. 347.

¹⁸ Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 573.

¹⁹ Жизнь Петра Великого, описанная Г. Галемом. Ч. II. С. 351.

²⁰ Духовный регламент написал не сам император, а архиепископ Феофан Прокопович, сделавший это в 1719 году. В 1721 году он был напечатан от имени императора.

²¹ Бурхард Христофор Миних. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи // Безвременье и временщики. Воспоминания об «Эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). Л., 1991. С. 21.

Троицкая церковь на своем веку видела и печальные события, и радостные. В стенах этого старинного храма торжественно праздновалось окончание Северной войны (1700—1721) и заключение Ништадтского мира (30 августа /10 сентября 1721 года). Известие о мире со Швецией привез в Петербург сам Петр I, прибывший сюда из Выборга. По словам Г.-А. Галема, царь «отправился на бригантине в Петербург, желая доставить туда лично первое известие о мире»²². О том, как проходила встреча Петра I на берегах Невы, близ Троицкой церкви, пишет тот же немецкий историк. «По пушечным выстрелам и торжественным звукам трубы, с каковыми приближался он (Петр I. — *Авт.*) к берегам Невы, собрались знатнейшие чиновники и духовенство у Троицкой пристани, встретили у оной государя и, получив от него радостную весть о мире, отправились все в церковь Св. Троицы»²³, — отмечает Г.-А. Галем.

А теперь можно сделать небольшое отступление и дать слово французскому посланнику в Санкт-Петербурге — де Кампредону, присутствовавшему лично на этом торжестве. Будучи дипломатом, Кампредон отмечает такие детали церемониала, которые подчеркивают исключительный характер ожидавшегося торжества. «В воскресенье, в 8 часов утра, один из секретарей канцелярии и капитан, состоящий при особе канцлера Головкина, приехали за мною, чтобы вести меня на аудиенцию»²⁴, — сообщает Кампредон, добавляя, что на этой встрече, помимо Головкина, были ближайшие сподвижники Петра I: Шафиров, Толстой и Остерман. «По выходе из аудиенции меня повели в находящуюся у самого Сената кофейню, где собрались уже все вельможи Двора»²⁵, — продолжает Кампредон.

Упоминание французского дипломата о Сенате требует небольшого пояснения. Вскоре после основания Санкт-Петербурга Сенат первоначально размещался в Петропавловской крепости, а с 1718 года — в мазанковом здании Коллегий и Сената на Троицкой площади. В 1733 году Сенат переехал в здание Двенадцати коллегий на Стрелке Васильевского острова, а старое здание Коллегий и Сената вскоре было снесено²⁶.

Что же касается «кофейни», куда был приглашен Кампредон после аудиенции, то сведения об этом заведении содержатся в трактате Г.-А. Галема. Упомянув про домик Петра I, «сохраняемый и поныне как драгоценный памятник», немецкий историк продолжает: «...подле него стояло большее и лучше выстроенное здание, принадлежавшее князю Меншикову, в котором давались аудиенции иностранным послам. Не в дальнем от оного расстоянии находилась так называемая Австерия, или почетная гостиница, в которую собирались наиболее знатные и придворные чиновники. Государь сам бывал в оной обыкновенно по воскресеньям, по выходе из (Троицкой) церкви»²⁷.

А теперь снова предоставим слово Кампредону. После того как Петр I прибыл в «Австерию», «все последовали за ним в собор, где должна была происходить церемония обнародования мира»²⁸, — пишет французский автор. В его записках содержатся подробные сведения о торжественном богослужении, совершенном под сводами Троицкой церкви. «Барон Шафиров поместил меня между собою и канцлером Головкиным, около балюстрады, отделяющей предшествующее алтарю возвышение, на котором царь стоял вместе с совершавшими богослужение священниками и, по обыкновению своему, сам распевал службу, как глава Церкви, — пишет Кампредон. — Служили соборне

²² Там же. С. 378.

²³ Там же.

²⁴ Донесение от г-на Кампредона к кардиналу Дюбуа. С.-Петербург, 7 ноября. 1721 г. // Сборник имп. Русского Исторического Общества (Сб. РИО). Т. 40. СПб., 1884. С. 297.

²⁵ Там же.

²⁶ Беспятых Ю. Н. Указ. соч. С. 257, примеч. 49.

²⁷ Жизнь Петра Великого, описанная Г. Галемом. Ч. I. СПб., 1812. С. 285—286.

²⁸ Донесение от г-на Кампредона к кардиналу Дюбуа. Там же. С. 297.

два митрополита и несколько архиереев, в богатейших облачениях и в шапках, заменяющих митры²⁹. Царь несколько раз оборачивался в мою сторону и, заметив, что несколько стоящих впереди меня вельмож мешают мне видеть церемонию, он приказал Шафирову велеть им посторониться и поставить меня поближе к нему, а графу Матвееву, стоявшему недалеко от меня, приказал объяснять мне службу»³⁰.

В те годы Троицкая церковь имела статус главного храма новой столицы. В ней совершались все благодарственные молебны по случаю побед; здесь праздновалась победа под Полтавой. Здесь же 22 октября 1721 года отмечалось заключение Ништадтского мира, о чем повествует далее Кампредон. По окончании богослужения «прочли по-русски договор со Швецией и ратификацию оного, после чего служивший Преосвященный произнес проповедь на тему о мире»³¹.

Г.-А. Галем дополняет и уточняет сказанное Кампредоном. «После краткой благодарственной речи, говоренной государю Рязанским митрополитом Стефаном (Яворским), воспето было торжественное „Тебе Бога хвалим“. Гром пушек с крепостей возвестил в то же время важное сие событие и всей столице, в коей известие о мире разглашаемо было потом при звуке труб и литавр до глубокой ночи»³², — пишет немецкий историк.

Однако торжества под сводами Троицкой церкви на этом не закончились, поскольку затем состоялась церемония присвоения Петру I титула императора. В записках Кампредона содержится любопытное сообщение о формальной стороне этого «делопроизводства». По словам французского дипломата, инициатива исходила от Петра I, который «приказал провозгласить себя императором. Для этой цели он, за день до того, даровал Сенату права и власть, какими располагали древние римские сенаторы, а на другой день снова отнял их»³³.

Так пишет современник и очевидец этой церемонии. А вот как выглядит это же событие на страницах сочинения Г.-А. Галема. «Исполненные удивления к величию монарха и признательности к излитым от него милостям, составили члены первейших в государстве судилищ, Сената и Синода общее собрание и рассуждая в оном, определили, в знак должной за то к нему благодарности, просить его от имени всех подданных, чтобы он, по примеру других государей, принял титул Великого отца отечества и императора Всероссийского, — пишет немецкий историк. — Отправились к нему депутатами несколько членов (Сената), кои предводимы были вице-президентами Синода, архиепископами Псковским и Новгородским. После некоторых возражений, государь согласился, наконец, принять их предложение, и определение Сената исполнено было в самый день торжества мира»³⁴.

После того как в Троицкой церкви был оглашен текст мирного договора и архиепископ Феофан (Прокопович) произнес проповедь, настала очередь графа Гавриила Ивановича Головкина (1660—1734). Обращаясь к Петру I, государственный канцлер произнес речь, в которой «именем всех членов государства» просил царя принять титул императора. Как сообщает Кампредон, «на речь канцлера царь отвечал, что с благодарностью принимает это доказательство любви к нему подданных, что будет для них отцом, но увещевает их, пользуясь заключенным им славным миром, не ослабевать в храбрости и в военной дисциплине, которые одни могут предохранить государство от гибели, какой подверглась Восточная империя, павшая вследствие полной изнеженности и роскоши. Что он сам будет подавать им благой пример, продолжая свои

²⁹ Здесь имеется в виду отличие православных митр от католических (прим. авт.).

³⁰ Донесение от г-на Кампредона к кардиналу Дюбуа; там же. С. 297.

³¹ Там же. С. 297—298.

³² Жизнь Петра Великого, описанная Г. Галемом. Ч. II. СПб., 1813. С. 378—379.

³³ Донесение от г-на Кампредона... С. 298.

³⁴ Жизнь Петра Великого... Ч. II. С. 389.

труды и заботы о сохранении их славы и благосостояния народа, и увещевает их следовать этому примеру»³⁵.

Бурхард Христофор Миних дополняет сказанное выше: «В том же 1721 году во время торжества по случаю заключения мира со Швецией Петр Великий был признан и провозглашен императором в Троицкой церкви на Петербургской стороне. Великий канцлер граф Головкин произнес патетическую речь и просил монарха от имени всей нации принять титул императора, который он заслужил тем, что водил армии против врагов государства, своими важными завоеваниями, а также отеческими заботами о своем государстве. Император ответил: „Неистошима благодарность создателю за выгодный мир, ныне заключенный, и лишь милостью и милосердием к подданным может быть она отмечена“. И действительно, император велел освободить всех ссыльных и множество людей, находившихся под стражей»³⁶.

В официальном документе — «Журнале» Петра Великого, содержится подробное описание дальнейших событий: «По принесении Его Величеству благодарения от Сената за данное им отеческое увещание, начат благодарный молебен, и как скончали на оном Евангелие, тогда в другой раз как из пушек, так и из мушкетов такая же стрельба учинена. Потом при окончании молебна, и как благодарственная молитва от Рязанского митрополита при всенародном коленопреклонении прочтена: и тако тем то действо окончилось. И Его Величество при выходе из церкви паки с восклицанием *вивата* от народа и потом третий раз из пушек и мелкого ружья поздравлен»³⁷.

Эту запись дополняют строки и немецкого и французского авторов. Вот что пишет Г.-А. Галем: «Троекратное восклицание всего Сената: „Да здравствует Петр Великий, император Всероссийский, отец отечества!“ раздалось во всем собрании, с кликами коего немедленно соединились звуки труб и литавр и гром пушечных выстрелов»³⁸. А по словам Кампредона, во время молебна «раздался троекратный залп из крепостных орудий с 144 прибывших из Финляндии галер и из ружей одного гвардейского полка, выстроенных на площади. Из церкви все отправились в здание Сената, где были приготовлены столы более чем на тысячу персон»³⁹.

Как видно из приведенных сообщений, официальная версия в целом совпадает с теми сведениями, которые приводят в своих записках иностранные авторы. Однако здесь не обошлось без казуса, причиной которого стало «усердие не по разуму» одного из служащих «протокольного отдела». Вот что пишет о торжествах Г.-А. Галем, основываясь на официальных документах того времени: «При всем том действе присутствовал из чужестранных Его королевского величества французского полномочный министр, господин Кампредон, который того же утра пред литургиею свою первую аудиенцию у Его императорского Величества имел и потом Его императорское Величество и в церкви поздравлял»⁴⁰.

А теперь дадим слово французскому дипломату. В своем донесении государственному министру Франции аббату Дюбуа Кампредон вынужден был специально разъяснять, где в официальном сообщении была допущена ошибка. «Здесь (в Петербурге. — *Авт.*) напечатано на немецком языке описание празднеств по случаю мира, — пишет Кампредон. — Там сказано, что я присутствовал на церемонии, и будто бы в церк-

³⁵ Донесение от г-на Кампредона... С. 298.

³⁶ Бурхард Христофор Миних. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи // Безвременье и временщики. Воспоминания об «Эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). Л., 1991. С. 20.

³⁷ Цит. по: Жизнь Петра Великого, описанная Г. Галемом. Ч. II. СПб., 1813. С. 437 (примечание).

³⁸ Указ. соч. С. 390—391.

³⁹ Донесение от г-на Кампредона... С. 298.

⁴⁰ Жизнь Петра Великого... Ч. II. С. 437—438.

ви же сказал свою приветственную речь царю. Это совершенно неверно. Правда, что я, подобно прочим иностранным министрам, был приглашен на церемонию, и что царь дал мне аудиенцию в канцелярии, перед самым отходом в находящуюся близехонько оттуда церковь, так что, в виду огромной массы народа, я принужден был войти вместе с другими и видел всю церемонию их богослужения. Но совершенно ложно и нелепо утверждение, будто я говорил, или только подумал хоть слово сказать царю, который, к тому же, стоял все время в алтаре, вместе с совершавшим службу духовенством. Я даже ушел из церкви при первой возможности, именно в то время, когда канцлер Головкин произносил свою речь, в которой я не понимал ни слова»⁴¹. Так, с серьезным видом, вели свои дипломатические «игры» зарубежные посланники, обосновавшиеся в Санкт-Петербурге...

В этот памятный день в Троицкой церкви присутствовал и немецкий дипломат Берхгольц, который прибыл в храм, «где находились уже Его Величество царь и все русские вельможи. Там, — сообщает Берхгольц, — по окончании литургии и прочтении ратификации заключенного со Швецией мира, архиепископ Псковский (Феофан Прокопович. — *Авт.*) сказал превосходную проповедь, текстом которой был весь первый псалом и в которой он, изобразив все труды, мудрые распоряжения и благодеяния Его Величества на пользу его подданных в продолжение всего царствования и особенно в минувшую войну, объявил, что государь заслужил название отца отечества, великого императора»⁴².

Таким образом Берхгольц стал свидетелем исторического события, в котором видное место было отведено православной иерархии. Вот что пишет немецкий дипломат далее: «Потом от имени Сената великий канцлер Головкин просил Петра I принять титул императора Всероссийского. Во время пения „Тебе Бога хвалим“ и чтения Евангелия началась пальба вместе с музыкой и барабанным боем всех полков, стоявших перед Сенатом. По прочтении митрополитом Рязанским (Стефаном Яворским. — *Авт.*) благодарственной молитвы, которой все присутствовавшие внимали коленопреклоненные, пальба возобновилась в третий и последний раз»⁴³. «Пальба из пушек, при всех здешних празднествах, возвещает об окончании обедни»⁴⁴, — поясняет Берхгольц своим читателям.

Официальная часть торжеств, проводившаяся в стенах Троицкой церкви, была завершена, и, как пишет Г.-А. Галем, «радость монарха о заключении мира изображалась тогда во всех его деяниях. По всему государству разосланы были повеления об отпраздновании по сему случаю троекратного молебствия; после чего начались немедленно в Петербурге разные увеселения, кои продолжались несколько недель»⁴⁵.

Главная роль в этом празднестве была отведена Петром I его бывшему учителю Зотову, которому было в то время 84 года и который был во всем беспрекословно предан императору. Петр I издавна называл его в шутку «патриархом» и наконец даже провозгласил его «папой». Среди прочих празднеств особенно отличался маскарад, «который, вместе с государем, супругою его, герцогом Голштинским, всем Двором и генералитетом, составляли более пятисот особ обоего пола»⁴⁶.

Галем пишет, что маскарад «начался свадьбою князя папы со вдовою его предшественника, кои обвенчаны были в Троицкой церкви в присутствии составлявших ма-

⁴¹ От г-на Кампредона к кардиналу Дюбуа. С.-Петербург, 15 декабря 1721 г. // Сборник РИО. Т. 40, СПб., 1884. С. 399—400.

⁴² Дневник камер-юнкера Берхгольца. 1721—1725 гг. Ч. I. М., 1858. С. 133—134.

⁴³ Там же. С. 135.

⁴⁴ Там же. С. 175.

⁴⁵ Жизнь Петра Великого... Ч. II. С. 385.

⁴⁶ Там же.

скарад. Потом собрались сии последние на площади перед Сенатом и церковью, сбросили по данному государем знаку епанчи, в коих они находились в церкви, и разделяясь на группы, ходили по площади в различных масках»⁴⁷.

А в «полуофициальном» сообщении того времени отмечалось, что сопровождаемый маскарадной процессией «папа с его невестой прибыл при звоне колоколов в церковь, где столетний священник совершил обряд венчания. Из церкви отправилась вся процессия в таком же порядке во дворец, где увеселения продолжались несколько дней»⁴⁸.

В Троицком соборе совершались поставления во епископов (Феофан Прокопович, епископ Псковский, 1718), праздновались дни восшествия на престол, тезоименитства членов царствовавшей династии. Вот что сообщал об одном из таких торжеств уполномоченный при русском дворе Иоганн Ле-Форт, легационный советник курфюрста Саксонского и короля польского Августа II. В своем донесении из Санкт-Петербурга от 8 декабря 1721 года Ле-Форт пишет графу Флемингу: «5-го числа сего месяца (н. ст.), в день св. Екатерины, мы праздновали здесь тезоименитство Ее Величества царицы. У его высочества герцога Голштинского был утром великолепный концерт, исполненный 30-ю иностранными музыкантами. Затем их величества принимали поздравления и отправились в церковь св.Троицы»⁴⁹.

Площадь, на которой стоял Троицкий собор, была общественным центром Петербурга; она имела ту же значимость, что и Красная площадь у стен Московского Кремля. Как и в Белокаменной, здесь было свое «Лобное место», где порой совершались публичные казни. Одним из петровских сановников, расставшимся с жизнью неподалеку от Троицкой церкви, был Вилим Иванович Монс (1688—1724) — придворный, состоявший на службе у Петра I с 1708 года. В 1716 году он стал камер-юнкером, а затем камергером и управляющим канцелярией императрицы Екатерины Алексеевны. Заподозренный в связи с нею, Монс был предан в руки следствия и в ноябре 1724 года казнен⁵⁰. Однако тогдашняя официальная версия звучала по-иному, о чем и доносил Ле-Форт графу Флемингу. Сообщая о приговоре, вынесенном Монсу, легационный советник отмечает, что вина камергера «заключала в себе три его проступка, состоящих во взятках, в ябедничестве и в покровительстве незаконным приношениям, за что он и был приговорен к смерти»⁵¹.

По «делу Монса» проходила также жена генерал-майора Федора Балка (впоследствии — генерал-адъютант при Петре II) — генеральша Матрена Балк. Она была сестрой камергера Монса, но получила сравнительно легкое наказание и впоследствии, по возвращении из ссылки, была назначена главной воспитательницей герцогини Голштинской Анны Петровны. Об этих и других «фигурантах» следствия упоминал Ле-Форт в своем донесении Флемингу: «25 числа сего месяца (ноября 1724 года. — *Авт.*) я имел честь писать Вашему сиятельству, когда уведомлял Вас об аресте камергера Монса и жены генерал-майора Балка. Третьего дня 26-го числа около полудня было объявлено при барабанном бое, что на другой день 27-го около церкви св. Троицы будет совершена казнь вышеупомянутого камергера Монса, сестры его Балк, писаря Столетова и камер-лакея (Ивана) Балакирева»⁵².

⁴⁷ Там же. С. 385—386.

⁴⁸ Цит. по: указ. соч. С. 416—417, примеч. 23.

⁴⁹ Сборник РИО, т. III. СПб., 1868. С. 339 (граф Флеминг Яков Генрих — первенствующий министр короля польского и курфюрста саксонского Августа II).

⁵⁰ Беспятых Ю. Н. Указ. соч. С. 297, сноска 420.

⁵¹ Ле-Форт Флемингу. С.-Петербург, 28 ноября 1724 г. // Сборник РИО. Т. III. СПб., 1868. С. 389—390.

⁵² Там же. С. 389.

Предстоявшая казнь была публичной, и, как пишет Ле-Форт, «каждый должен (при этом) присутствовать». В донесении дипломата сообщается о процедуре, предварявшей казнь Вилима Ивановича. «Монс и сестра его были переведены около полудня в крепость, — продолжает Ле-Форт. — К ним был послан пастор Назиус с целью приготовить их к казни, откуда он до конца не возвращался. Вечера 27-го числа около 10-ти часов вывели из крепости этих 4-х преступников»⁵³.

Наконец Ле-Форт переходит к описанию событий, имевших место 28 ноября, близ Троицкой соборной церкви. «Все удивлялись мужеству Монса, в котором не было заметно ни малейшей перемены, (и который) преклоняя ухо к устам пастора Назиуса и время от времени кланялся своим знакомым, которых он встречал, — повествует „уполномоченный“ Ле-Форт. — Приехав на место казни, он смело взошел на эшафот, сам снял с себя шубу, постоянно внимая наставлениям пастора Назиуса. Секретарь суда явился прочесть приговор. По произнесении приговора, Монс низко поклонился, разделся, и, положив голову на плаху, принял удар, отделивший его голову от тела. Затем прочли приговор его сестре, и за то, что она брала взятки, ее приговорили к 11-ти ударам кнута и ссылке в Сибирь»⁵⁴. Столетов и Балакирев тоже были биты кнутом и сосланы на каторгу.

Эта драма долго не могла изгладиться из памяти петербуржцев, но уже через две недели все тот же Ле-Форт сообщал Флемингу о радостных событиях. Упомянув о том, что «в понедельник вечером накануне дня св. Екатерины у Его Высочества герцога Голштинского был великолепный концерт», Ле-Форт добавляет: «...во вторник в день именин Ее Величества (императрицы Екатерины. — *Авт.*), их Величества переехали реку в санях и отправились в церковь св. Троицы, где они причащались»⁵⁵.

После кончины Петра I на российский престол взошла его супруга — Екатерина I. В Троицкой церкви происходило принесение присяги на верность императрице, а 21 мая 1725 года здесь состоялось «венчание Анны Петровны с герцогом Голштинским», о чем ранее упоминал Карл Рейнхольд Берк⁵⁶. (В записках шведского автора речь шла о бракосочетании Анны Петровны (1708—1728), старшей дочери Петра I и Екатерины Алексеевны, с герцогом Голштейн-Готторпским Карлом Фридрихом (1700—1739)⁵⁷.)

Екатерина I царствовала недолго (1725—1727); ее сменил Петр II (1727—1730), после чего началось 10-летнее правление Анны Иоанновны (1730—1740). Слова присяги на верность очередному правителю звучали по-прежнему в стенах деревянного Троицкого собора⁵⁸. «В праздник Его Величество был в церкви св. Троицы, где причащался»⁵⁹, — сообщает Ле-Форт о новом правителе — императоре Петре II — 20 сентября 1727 года из Санкт-Петербурга.

В своем описании Санкт-Петербурга К.-Р. Берк упоминает о трех триумфальных воротах, в том числе и о тех, что стояли у Троицкой церкви: «Там, где начинается город, стоят деревянные триумфальные ворота, украшенные живописными изображениями и скульптурами; ворота были поставлены по случаю въезда императрицы в Петербург в 1732 году. Другие стоят в конце улицы, почти у площади, находящейся перед Адмиралтейством; они тоже деревянные и поставлены по тому же самому случаю. Слова над аллегорическими изображениями на обоих воротах, как и на третьих у *Троицкой церк-*

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 389—390.

⁵⁵ С.-Петербург, 9 декабря 1724 г. // Там же. С. 392.

⁵⁶ Цит. по: Беспятовых Ю. Н. Указ. соч. С. 125.

⁵⁷ Там же. С. 256, примеч. 54.

⁵⁸ Историко-статистические сведения... Т. 7. СПб., 1883. С. 110.

⁵⁹ Ле-Форт королю // Сборник РИО. Т. III. СПб., 1868. С. 493.

ви, почти всегда — на двух языках, русском и латыни, чем поддерживается уважение к русскому языку, а слова понятны и природному русскому, и чужестранцу»⁶⁰.

Свой рассказ о Троицкой церкви К.-Р. Берк завершает упоминанием о звоннице, стоявшей близ этого храма: «В башне не может быть колоколов, они висят в стоящей рядом звоннице. Звонить, или, точнее говоря, ударять в колокола (ибо у всех русских колоколов языки обвязаны веревкой и они бьют только в край) дозволено лишь церковным служителям; исключение составляют пасхальные дни, когда привести колокола в движение старики почитают за великую честь, а молодежь — за развлечение»⁶¹.

Со временем деревянный Троицкий собор обветшал, и в 1743 году он был разобран. 17 мая 1746 года состоялось освящение нового, «третьего храма», также деревянного. Оно было совершено в присутствии императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761); однако собор простоял недолго и в 1750 году сгорел при пожаре. Погибла часть церковной утвари, расплавились колокола. Строительство «четвертого храма» было завершено к 1756 году; его звонницу украсил новый колокол, отлитый из меди расплавленного во время пожара большого шведского колокола⁶².

«В 1710 г. неподалеку от дома монарха на Петербургском острове была построена, а в 1714 г. расширена деревянная Троицкая церковь, — пишет фон Реймерс. — Ей грозило обрушение, и в 1746 г. императрица Елизавета Петровна распорядилась ее разобрать и возвести ей подобную. В 1750 г. эта церковь выгорела полностью и была заменена каменной. В ней сохранился маленький светильник слоновой кости и такой же крест работы Петра. На колокольне — колокол шведской работы, взятый в Або в 1713 г.»⁶³.

«Елизаветинский» собор был сооружен из строительных материалов танцевального зала упраздненного Летнего дворца. При Александре I вокруг собора была воздвигнута вторая рубленая стена⁶⁴. Именно этот, четвертый по счету, Троицкий собор созерцал Александр Дюма, посетивший Санкт-Петербург осенью 1858 года. «Я отправился осматривать три достопримечательности: самую старинную церковь Санкт-Петербурга, домик царя Петра и Петропавловскую церковь, — пишет знаменитый французский романист. — Все они расположены в старой части города на правом берегу Невы. Церковь не имеет никакой художественной ценности, но там была отслужена первая обедня во славу Господа, пропето первое „Те Деум“⁶⁵ во славу царя Петра»⁶⁶.

Замечание французского писателя о том, что «церковь не имеет никакой художественной ценности», вполне объяснимо. К тому времени в Петербурге были возведены великолепные соборы, своим величием затмевавшие скромный деревянный храм. К тому же Троицкая церковь была капитально переделана и носила при «отзвуках елизаветинского времени», главным образом, влияние 20-х годов XIX столетия. В записках французского автора нет сведений о славной истории Троицкого храма — ведь Дюма интересовался в первую очередь теми сюжетами, от которых захватывало дух у его читателей. Вот почему на страницах своего сочинения о России он уделил большое место рассказу о казни декабристов, которая была совершена близ храма Пресвятой Троицы.

⁶⁰ Берк Карл Рейнхольд. Путевые заметки о России // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 169.

⁶¹ Там же. С. 125.

⁶² Историко-статистические сведения... Т. 7. С. 104.

⁶³ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток. 2007. С. 71.

⁶⁴ Ростиславов А. Агитация против Троицкого собора // Старые годы, 1913, № 3. С. 47.

⁶⁵ «Те Деум» — лат. «Тебя, Господи, хвалим».

⁶⁶ Дюма Александр. Путевые впечатления в России. Т. II. М., 1993. С. 7.

Естественно, Дюма не мог быть очевидцем этого события, но, изучив русские исторические источники, он смог достоверно описать казнь руководителей восстания 1825 года, в число которых входили «Павел Пестель, Кондратий Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Михайла Бестужев-Рюмин и Петр Каховский». Отметив, что перед казнью все они «согласились принять церковное благословение»⁶⁷, Дюма продолжает: «25 июля (1826 г.), около двух часов ночи, хотя казнь должна была состояться лишь в 10 часов, на крепостном валу сооружалась широкая виселица для пятерых осужденных. Это происходило напротив маленькой деревянной церкви Святой Троицы, воздвигнутой на берегу Невы на Петербургской стороне, там, где прежде всего обосновался Петр Великий...»⁶⁸

Троицкий собор благополучно пережил XIX столетие; в 1876 году он подвергся реставрации. Тогда же была построена и соборная колокольня⁶⁹. Дальнейшая судьба Троицкой церкви была такой же непредсказуемой, как и некоторые события, имевшие место у ее стен в прошлом. В 1903 году в городскую Думу поступило предложение разобрать собор и построить новый, более просторный. Но часть «думцев» энергично выступила против этого предложения⁷⁰.

В 1910 году был поднят новый вопрос, он был связан со строительством мечети, воздвигавшейся неподалеку от Петропавловской крепости. Возникла идея «заслонить» мечеть, воздвигнув на месте Троицкой церкви грандиозный собор. Началась разработка проекта, в городскую управу стали поступать различные предложения, была составлена смета строительства. По первоначальному проекту расходы должны были составить 5 миллионов рублей; впоследствии стоимость строительных работ была оценена в 14 миллионов⁷¹.

7/20 февраля 1913 года пожар снова повредил Троицкий собор: сгорели купол, крыша и колокольня (*приложение 1*). Вскоре епархиальное ведомство обратилось в строительную комиссию за разрешением построить перед сгоревшим Троицким собором временную деревянную церковь по проекту епархиального архитектора А. П. Аплаксина⁷². Однако в кругах петербургских архитекторов и художников выражалось опасение по поводу вероятности весьма долговременного существования подобной «временки» (*приложение 2*). В прессе с новой силой началась кампания в пользу строительства грандиозного храма, который должен будет заслонять мечеть⁷³.

Несмотря на то, что при пожаре пострадала в основном передняя часть храма, наименее интересная в историческом отношении, чаша весов склонялась не в пользу реставрации. Продолжались поиски средств для строительства нового каменного храма на месте деревянного. Однако в творческих кругах столицы по-прежнему раздавались голоса протеста против сноса старого храма. «Нельзя отрицать художественный интерес обгоревшего памятника старины. Драгоценность его, как исторической святыни, определенного места, связанного с личностью Петра и напоминающего о ней, несомненна, — отмечалось на страницах журнала „Старые годы“. — Несомненна и возможность полной реставрации и даже полного сохранения отдельных уцелевших частей. Словом, ряд положительных сторон, помимо относительной скромности материальных затрат, говорит за реставрацию. Между тем, художественность нового храма весь-

⁶⁷ Там же. С. 122.

⁶⁸ Там же. С. 123. Далее следует описание казни (С. 123—126).

⁶⁹ Фотографии Троицкого собора до пожара (1913) и после пожара помещены в журнале «Старые годы», 1913, № 3, между с. 48 и 49.

⁷⁰ Ростиславов А. Указ. соч. С. 47—48.

⁷¹ Там же. С. 48.

⁷² Старые годы, 1913, № 4, апрель. С. 49. Раздел «Вести за месяц».

⁷³ Один из авторов — журналист Леонтьев из «Нового времени».

ма гадательна, особенно принимая во внимание печальные прецеденты — столичные крупные храмы последних десятилетий. А главное, каким бы ни был новый храм, с уничтожением старого пропадет старинный еще сохранившийся, оригинальный характер всего места»⁷⁴.

Опасения столичной творческой интеллигенции были основаны не на пустом месте. Летом 1913 года началась далеко не временная замена «хорошего старого сомнительным новым». «Больно войти сейчас в разрушенный и обобраный Троицкий собор, — свидетельствовал один из очевидцев тех событий. — Местами уцелели еще балюстрады, рамы икон и даже живопись. Но вместо иконостаса голая деревянная стена, удивительно свежая и крепкая. Сейчас можно убедиться, что ни алтарные, ни боковые стены, ни потолок над ними совершенно не тронуты огнем, а старинный лес, старинная стройка еще совсем не поддались времени. На месте разрушаемого предположена постройка большого каменного храма, а пока рядом уже почти построен временный деревянный (куда будут перенесены реликвии сгоревшего), в том же стиле, но не с теми же достоинствами»⁷⁵.

К началу 1914 года уже было принято решение: на месте старого Троицкого собора воздвигнуть громадный каменный храм. Была образована строительная комиссия под председательством князя Иоанна Константиновича; члены комиссии пригласили к сотрудничеству пятерых столичных архитекторов, которым было предложено составить проект грандиозного сооружения. Однако, учитывая большую значимость нового собора для российской столицы, Общество архитекторов-художников постановило ходатайствовать об учреждении всероссийского конкурса⁷⁶.

Тем не менее в столичных кругах не затихала волна протестов против нового сооружения. Вот один из доводов, который и сегодня не утратил своей актуальности. «Красота Петербурга есть достояние, составленное не нами, а унаследованное от предков и принадлежащее всей России. Мы имеем право уничтожать то, что сделали сами, а в обращении с двухвековым достоянием Петербурга нельзя не быть достаточно осторожным, — писал один из ревнителей старины. — Набережная Невы — венец красоты Петербурга, и по соседству с Петропавловским собором, против Летнего сада, на гранитных берегах царственной реки нельзя воздвигать монументального храма, несогласованного с общей торжественной парадностью этого места»⁷⁷.

Однако расстановка сил к началу 1914 года окончательно определилась, и защитники старинной петербургской святыни вынуждены были вести лишь арьергардные бои. Отмечая, что «ввиду исторического и художественного значения всего места, близости такого памятника старины, как Петропавловская крепость, — вопрос о стиле и характере проектируемого храма чрезвычайно важен и требует всесторонней оценки»⁷⁸, «участники сопротивления» по-прежнему прилагали усилия к сохранению исторических реликвий. По поводу участи уцелевших остатков сгоревшего собора в тогдашней печати сообщалось следующее: «Членом Общества архитекторов-художников и гласным Петербургской Думы А. С. Раевским через Археологическую комиссию возбуждено ходатайство о перенесении этих остатков на Успенское кладбище, где собор мог бы быть восстановлен»⁷⁹.

Новый собор на Троицкой площади было решено строить во владимирско-суздальском стиле. Комитет по сооружению храма на месте сгоревшего поручил составление

⁷⁴ Старые годы, 1913, № 6. С. 58. Раздел «Вести за месяц».

⁷⁵ Старые годы, 1913, октябрь. С. 47. Отдел «Хроника».

⁷⁶ Старые годы, 1914, № 2. С. 59. Отдел «Хроника».

⁷⁷ Старые годы, 1914, № 1. С. 48. Отдел «Хроника».

⁷⁸ Старые годы, 1914, № 2. С. 59. Отдел «Хроника».

⁷⁹ Там же.

проекта архитекторам В. А. Покровскому, А. В. Щусеву, В. В. Суслову, А. А. Ильину и А. П. Аплакнину⁸⁰. Почти смирившись с неизбежностью нового строительства, «хранители древностей» тем не менее высказывали пожелания, чтобы «не исчезли бесследно остатки сгоревшего собора и чтобы стиль новой постройки не внес дисгармонии в одно из самых характерных старинных мест Петербурга»⁸¹.

Начавшаяся Первая мировая война не остановила подготовительных работ, и к лету 1915 года архитекторы, приглашенные к сотрудничеству, представили свои проекты по сооружению нового храма. Не имея принципиальных возражений против этих известных специалистов, архитектурная общественность Петрограда с тревогой следила за дальнейшей судьбой их разработок. Так, в ноябре 1915 года на страницах журнала «Старые годы» был поставлен извечный вопрос: «А судьи кто?» «В настоящее время представленные ими проекты оцениваются, по словам „Петроградских ведомостей“, подкомиссией из г. г. Бережкова, Новикова, В. Косякова, князя Путятина и Смирнова, — сообщалось в небольшой заметке. — Но кто же эти, за самым малым исключением, совершенно неизвестные господа, от которых будет зависеть вопрос о застройке одного из самых старинных и характерных мест Петрограда?»⁸²

Велись жаркие споры, а тем временем петроградская общественность могла познакомиться со старинной церковной утварью Троицкого собора, спасенной от огня в 1913 году. Весной 1915 года в музее барона Штиглица была устроена художественная выставка, на которой были представлены, в частности, предметы церковной старины из ризницы Троицкого собора, одной из тех, «которые обогащены были щедрыми дарами основателя — великого Петра»⁸³. «Большого интереса заслуживает оклад Евангелия, серебряный, позолоченный, с крупным цветочным чеканным узором, светлыми финифтяными украшениями и несколькими крупными камнями»⁸⁴, — сообщалось по поводу одной из реликвий Троицкого собора. Это Евангелие, которое было «принесено в святую соборную (Троицкую) церковь», «делал мастер Андрей Бланкенстейн»⁸⁵, о чем сообщалось в надписи, сделанной на задней стороне оклада в среднем большом картуше. В той же надписи содержались сведения о том, кто был заказчиком мастера А. Бланкенстейна: «Сие Евангелие строено по благословению великого господина святейшего кир Адриана, архиепископа Московского и всея России и всех северных стран патриарха, при державе великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича»⁸⁶.

Революционные события 1917 года помешали реализации грандиозного проекта, и пришлось вернуться к идее реставрации старого Троицкого собора. В то время известный историк Петербурга П. Н. Столпянский писал; «Может быть, когда улягутся мутные волны послереволюционных эксцессов, прихожане этого прихода возобновят старую милую церковь, которая своим простеньким смиренным видом так гармонировала со всею площадью и с недалеким от нее петровским дворцом»⁸⁷.

Собор начали восстанавливать лишь в 1923 году; строительство велось на средства прихожан. К 1928 году храм был полностью восстановлен, однако 15 августа 1933 го-

⁸⁰ Старые годы, 1914, № 3. С. 44.

⁸¹ Старые годы, 1914, № 6. С. 40. Отдел «Вести за месяц».

⁸² Старые годы, 1915, № 11. С. 62—63.

⁸³ Макаренко Николай. Выставка церковной старины в музее барона Штиглица // Старые годы, 1915, июль—август. С. 48.

⁸⁴ Там же. С. 50.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Столпянский П. Н. Петербург. СПб., 1995. С. 64.

да Троицкая церковь была закрыта и в сентябре того же года снесена⁸⁸. Троицкая площадь, на которой возвышался храм, в 1923 году была переименована в площадь Революции. На месте Троицкой церкви был разбит сквер, сохраняющийся и до настоящего времени. В 1992 году, вскоре после того, как граду на Неве было возвращено его прежнее имя, Троицкая площадь также обрела свое первоначальное название. В 2002—2003 годах в память об уничтоженном Троице-Петровском соборе на этом месте была возведена часовня Троицы Живоначальной.

**Приложение I. Ростиславов А.
Сгоревший собор // Старые годы, 1913, № 2,
февраль. С. 51—52. Отдел «Хроника»**

Нет охоты «изливать негодование» по поводу самой возможности пожара, гибели такой исторической святыни, как Троицкий собор, богатый, к счастью спасенными, историческими и художественными реликвиями, такими художественными достопримечательностями, как, к счастью, тоже уцелевший иконостас. Дело слишком очевидно, как оно было очевидно и при недавней гибели Петровского дворца, специально окруженного горючим материалом. Неисправность дымохода в знаменитом историческом и притом деревянном храме, как в каком-нибудь домишке уездного города, первоначальный способ тушения ведрами со снегом (как при деревенских пожарах) в центре столицы, где существует усовершенствованная пожарная сигнализация, все это иллюстрации, сами по себе слишком наглядные и яркие. В заседаниях, происходивших чуть ли не во время самого пожара, уже были подняты вопросы о реставрации. Одновременно причт собора поднял вопрос о постройке временной церкви перед сгоревшим собором. Последнее, конечно, менее всего желательно. Такая временная постройка может оказаться, как часто бывает, далеко не временной и только отдалит реставрацию собора, особенно если на эту постройку будут затрачены суммы из страховой премии. Возникла также мысль реставрировать собор в еще более первоначальном виде, по уцелевшим изображениям его XVIII в. Но и эту мысль едва ли можно одобрить, ибо это будет не реставрация, а новая постройка. Между тем, возможна буквальная реставрация, по крайней мере самого корпуса собора, который с внешней стороны совершенно уцелел, кроме упавших, но тоже частью уцелевших, колонн и обгоревшей передней части. Может быть даже почти вся обшивка, пилястры с капителями, наличники окон могут быть целиком применены к делу. Обмеры могут быть произведены и сейчас, виды и планы собора сохранились. Построенный между 1750 и 1756 гг., отремонтированный и перестроенный, при Александре I и Александре II, он не представлял цельного архитектурно-художественного сооружения определенной эпохи. Но немало было прелести в его фасадах, так напоминавших по деящим их красивым пилястрам с капителями и как бы антресольным окнам наверху старинные усадебные постройки. Странно гармонировал с ними оригинальный, частью тоже целиком уцелевший купол с насаженной на нем как бы допетровской главкой. А главное, так был привлекателен ансамбль всего этого, одного из самых парадных и своеобразных мест столицы. Через широчайшую площадь с широким видом на Неву и дальнюю нарядную набережную переглядывались грандиозная Петропавловская крепость и скромная деревянная церковка с каким-то отзвуком еще допетровской старины, столь похожая издали на многочисленные еще деревянные церковки, разбросанные по нашим селам и захолустьям. Думается, необходимо и естественно, не мудрствуя лукаво, восстановить целиком этот ансамбль точной реставрацией наружного вида собора, что, по-видимому, совершенно возможно.

⁸⁸ Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга. СПб., 1995. С. 38.

**Приложение 2. Ростиславов А.
Агитация против Троицкого собора //
Старые годы, 1913, № 3. С. 47-48. Хроника.**

<...> Отметим, что участвовавший в тушении пожара брандмейстер г. Кривошеев в своем докладе, сделанном в собрании императорского Общества архитекторов, категорически выяснил, что большая часть стен собора и вся его задняя часть совершенно не пострадали от огня. А так как целиком уцелели обшивка, внутренние стены этой задней части, иконостас, то в случае реставрации собора о «мертвой имитации», которой опасались некоторые архитекторы-художники, не может быть и речи. Совершенно, конечно, бессмысленна, с художественной точки зрения, проектировавшаяся некоторыми лицами каменная имитация. Опасения, что восстановленный деревянный собор может опять сгореть, курьезны в XX в., когда, при желании, ничего не стоит устроить безопасный способ отопления и принять все противопожарные меры. Организованная с участием представителей специальных обществ комиссия, должна выяснить, возможна ли и в какой мере реставрация. Одновременно, по поручению епархиального ведомства, епархиальному архитектору поручена разработка проекта постройки небольшого временного деревянного храма перед сгоревшим (смета 10—12 тыс.) причем ведомство, будто бы, готово передать руины сгоревшего собора одному поселку для устройства из них храма. Словом, чувствуется веяние не в пользу реставрации одного из оригинальнейших, как бы то ни было, сооружений Петербурга, которое заключало в своих скромных стенах исторически священное место. Агитация против собора вообще ведется не с нынешнего дня, и велась первое время духовенством, которому было тесно в соборе, но оно успокоилось несколько, когда вместо южных дверей был сделан придел. В трудном вопросе о реставрации или новой постройке должно быть место только чувству любви и уважения к старине и чисто художественным соображениям.